

Ольга Щербина

Риск был ее воздухом...

17 мая 2006 года Галине Васильевне Старовойтовой исполнилось бы 60 лет, если бы ее жизнь не оборвалась трагически восемь лет тому назад. В память о ней мы публикуем отрывки из документальной повести журналистки, ее доброй знакомой.

Памяти Галины Старовойтовой

Опубликовано в журнале «Нева» 2006, №5

Июль-август 1984 года я провела в Нагорном Карабахе в качестве сотрудницы этнопсихологического отряда по изучению факторов долгожительства на Кавказе. Возглавляла отряд Галина Васильевна Старовойтова, тогда старший научный сотрудник Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (Ленинградской части — Кунсткамеры). Оформляя затем свои записи, я, помимо различных публикаций, написала тогда же небольшую документальную повесть, пока не опубликованную.

...Горы в тонкой белесой пелене. Блеск крыш и кипение садов. Терпеливые ослики с глазами мудрецов. Терновник с синими матовыми, будто покрытыми изморозью, ягодами. Черные узкие кипарисы, дымящиеся солнцем. Яркие, красивые дети, толстые, как на полотнах Пиросмани. Парящие коршуны с добычей в клюве. Прямые высокие старухи в черных габа с закрытым шалью ртом и огненными глазами. Горные светлые ручьи. Запах свежее испеченного лаваша. По старинному обычаю проходящим мимо выносят теплый золотистый круг на пробу. Белый слепящий зной и неистовые цикады...

Академический “ГАЗ-66” с крытым брезентовым верхом петляет дорогами Нагорного Карабаха. Натужно взбирается по отвесным склонам, прочиркивает колесами по камням, распугивает застывших на солнце разноцветных ящериц, продирается сквозь колючие заросли ежевики с черными глянцевыми пахучими гроздьями ягод. Газом, дымом, урчанием наполняет залитые солнцем долины, неуклюжий, не приспособленный к горным дорогам, с виду совсем чужеродный. Здесь исстари пророки восседали на ослицах, которые при случае (чти Библию) могли и заговорить.

Первый день, первая дорога. Наш “газик” съезжает вниз во скользкому глинистому склону; рукой вцепляюсь в раму окна, другой — в рукав соседа, худого юноши с голубыми робкими глазами и пухлыми губами, акающим московским говорком. Это Алеша, без пяти минут кандидат филологических наук, подающий большие надежды, как рекомендовала его Галина. Людьми она увлекается, оценки ее щедры. Мгновенно и точно в человеке она находит сердцевину и к ней, и только к ней апеллирует, пренебрегая “отдельными недостатками”. Особый аристократизм духа — отметить случайное и видеть главное. “Сотри случайные черты...” Все у Гали — по крупному счету.

В Карене для Гали главное то, что он родом из этих мест, из Карабаха, и страстно любит свою трагическую родину. И, живя в Питере, служит ей верой и правдой — переводя древнеармянские рукописи, изучая, систематизируя, издавая... В машине он напротив меня, Карен Юзбашян, пожилой красавец с дымом волос над тонким иконописным лицом. Доктор наук из Института востоковедения. Рядом с ним социолог Миша, Мишаня, где-то под сорок, с дерзкими выпуклыми глазами и свежей остротой наготове. Галя Старовойтова — в кабине, она впередсмотрящая, она — наш рулевой. Светлые кудри, волевой подбородок лопаткой, как у Екатерины Великой, большие умные карие глаза.

Шофер Витя лихо ведет машину, только ныряет чайкой белая надпись на борту — “Изыскательская” и белый глобус с крылышками. Машину-то наш этнопсихологический отряд позаимствовал у геологов той же АН СССР. Что же мы ищем? Долгожителей.

Останавливаемся у столба с табличкой: Шушинский район. Мишаня озирается вокруг с веселой фамильярностью. Достает шампанское, вопросительно смотрит на Карена. Но тот его не видит: растворился в окружающем нежно-нежно, как в любимой женщине. Карен родился в Шуше. Подходит пожилой карабахец, говорит ему что-то на своем наречии. Согласные идут сильными, упругими толчками, взрываясь звуками “х”, “ч”, “ш”, гласные же испепеляются подобно скрученной огнем бумаге. Что делается с Кареном! Черты лица распускаются, вот эта жестковатая складка у рта — как она ложится плавно, полно, счастливо. Глаза

лучатся, волосы стоят нимбом (только последний грубиян скажет: дыбом), как у древнего поэта. Мишаня с шампанским наизготовке деликатно переживает. Шутка ли — армянин не был на родине 20 лет! Засиделся за книгами, не мог выбрать дня. Шофер не отнимает рук от руля, он не признает остановок в пути: ехать так ехать, пить так пить...

Идем от одного двора к другому, где в жаркой полуденной дреме застыли старухи с полыхающими глазами. Слова их московским ученым пристойно сдержанны: они пожилы уже, пора уступить место другим. Но глаза кричат: жить, жить, жить!

На улицах тишина. Ни звука, ни движения. И видишь, чувствуешь ясно, что эти камни вот так же калились на солнце и сто, и тысячу, и десять тысяч лет назад...

Мурсаму Каджиеву 110 лет, а он еще работает: в ларьке продает чай. Дальше в записях пестрит: село Вагуас — Севан Алексанян — 105 лет, Севан Совбатян — 102 года, Григор Хачатрян — 107, Таки Хачатрян — 98. Село Мехшана — Гарегин Атабекян — 112 лет, и так далее, и так далее... Все слились у меня в единый образ: сухой, смуглый, прокаленный на солнце, с орлиным носом старик величественно идет, опираясь на палку, будто на посох патриарха. Восемьдесят лет подряд он пас стада и подрезал виноград. Он говорит об этом так, будто был королем. Был и остался.

Вопросы задает больше Галина — четко, отточенно. Историю древнего и современного Арцаха — так звался этот край — она знает бог знает с каких веков до нашей эры вплоть до современности. Чувства Галина подчиняет блистательной обширной памяти и глубокому анализу. Не то что я. Мои экстазы слегка раздражают Мишаню. Алеша же относится к ним сочувственно, но вносит коррективы. Карен не видит ничего и никого, кроме Карабаха. Витек же ко всему великолепно равнодушен, кроме сложных дорог, которые осваивает не без азарта. Впрочем, он, развалясь на стуле и белея глянцевитыми мускулами, вдруг встречается в разговор:

— Дядь Ованес, по утрам выпиваете стопочку? — с добродушной улыбкой во все лицо. И бог знает как, но вяжется эта московская широкая улыбка со всей обстановкой армянского дома и с этим столетним стариком с лицом коричневым,

что обожженная глина, внешне и внутренне подобранным, как тугая скрученная пружина.

— А, дядь Ованес?

— Пил раньше по сто граммов, а теперь по пятьдесят — силы не те.

Ужинаем “дома” — в школе.

— Товарищ начальник, можно по пятьдесят граммов? — кричит Галине Мишаня.

— Что-о-о?! Кидай по бутылке на брата! — Витя, без рубахи, сверкая бицепсами, хлебает кашу из большой миски.

— Да уж, русским на граммах никак не остановиться, — у Алеши Битлы на чистенькой майке безоблачно смеются.

— Слыхали: старик сказал — по пятьдесят граммов. Вот чувство меры, — хочу вызвать коллег на разговор. — Чувство красоты и гармонии явно от древних греков. А как старики здесь сидят на конях — загляденье!

— Да, всадник не проедет по селу мешком, иначе позор до конца дней. — Галина использует любой повод для нашего просвещения. — И здесь не только красота. Но поразительный инстинкт самосохранения, присущий целому народу. Почему и смогли армяне дойти до наших дней через все трагедии из глубины тысячелетий.

— Инстинкт?

— Точнее сказать: вся стройная система культуры.

Витек, проглотив кашу, ищет бутылок по ящикам, где вперемешку ссыпаны крупа, лапша, пачки финской туалетной бумаги, французская тушь для ресниц, таблетки. Порастрясло запасы на горной дороге.

— Нашел, Витек? Пей. Тебе надо. — Это Миша. — Слушай, ты никак нас в пропасть сбросить собирался? Там был моментик...

— Это когда Галина Васильевна спросила: “Проскочим?” — а я ответил: фифти-фифти.

— А она крикнула: давай! А Олена взвизгнула.

— Ну еще бы. Я ведь в окно смотрела, видела, что там...

— Там ведь что было-то: с одной стороны — скала, с другой — сантиметров пять от колес — пропасть. Чудом проскочили, — признается шофер.

— Значит, на авось ехали? — Карен качает головой не то укоризненно, не то восхищенно. — Нет, вы подумайте: фифти-фифти! До чего же она рискованная, наша Галя! Начальник нашего этнопсихологического отряда.

— А вы, Витя, водили раньше машины на таких дорогах? — вежливо интересуется наш профессор.

— Да нет. Я же в Москве таксистом работал, первый год на академической базе.

Витек вышибает пробку. Миша мурлычет любимую в московских кухнях песенку Галича. Галича он знает наизусть. Поэзию Миша глотает огромными порциями и дома, в Питере (и никогда не звали его Ленинградом), и где угодно. Вся русская классика, особенно “запретная”, знакома по ИМКА-Пресс, по издательству Чехова в Нью-Йорке, а еще по перепечаткам на папиросной бумаге.

— Так что же за система культуры? — хочу еще послушать Галину. Мыслями она всегда делится щедро.

— Помните, на свадьбу в Каладараси все село пришло?

— Ну еще бы не помнить: и мы там были, мед-пиво пили, по усам текло и в рот попало. Человек пятьсот сидело в саду за длинными дощатыми столами. Даже лежачего Вагаршака привезли на “Волге”. Галя-ханум сидела на почетном месте, мы рядом.

— Так вот, там, на свадьбе, совершалось дело целого рода, а не двух людей только. И свадьба шла по чину, заведенному, может, тысячу лет назад. Судьба рассеяла армян по всему свету, но они остались армянами. Вот чему надо учиться нам, русским, чтобы сохранить свой народ...